

Человек параллельной эпохи

1.

Когда телефон замолчал и умер,
а часы показывали все, что хотели,
и только сверчок верещал, как зуммер,
наискосок от моей постели,

я понял, что наконец-то вышел
из времени, из его объятий сучьих,
как язык — из азбуки,
сок — из вишен,
оставив деревьям гнилые сучья.

А за окнами так же теснились ели,
пахло псиной,
и печка давилась поленьями,
и ворота долго еще скрипели
там, по другую сторону времени.

2.

Человек параллельной эпохи,
убежавший от Судного дня, —
и не то чтоб дела мои плохи,
просто больше их нет у меня.

Разве это серьезное дело —
неожиданной прихоти для
выковыривать душу из тела,
словно косточки из миндаля?

3.

Когда я так не вовремя уснул,
когда мне изменило чувство меры,
когда из дня, из месяца, из эры,
из времени неслышно ускользнул,

меня всю ночь искали на снегу
мои собаки, женщины и дети.
Я понимаю, что за все в ответе.
Но ничего ответить не могу.

* * *

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы — с капелью,
как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как диван и вчерашние куклы.
Слышишь, вою фабричной трубой
из окна опостылевшей кухни?

Только бездна струится из дыр —
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир —
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
прилипая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.

Чужие небеса

Маргарите Крапчан

Ты помнишь старый сквер на берегу лимана?
Сочился из окна задумчивый кларнет.
И пахло сентябрем.
Но из-за океана
ты помнишь этот сквер?
Его сегодня нет.

Ты помнишь этот дом? И за забором, рядом, —
еврейские зрачки продолговатых слив?
И плакала лоза осенним виноградом.
Ты помнишь этот дом?
Его уже снесли.

Ты помнишь тихий Днестр в эпоху листопада
и лодку, что тайком забила в камыши,
и девочек в трико... и мальчиков...
Не надо.
Не надо вспоминать.
Они уже ушли.

Ушли. И никуда от этого не деться.
И тополиный мир, пропоротый насквозь,
как тот футбольный мяч, что мы гоняли в детстве,
скукожился и сник, насаженный на гвоздь.

И стайки воробьев, трещащих без умолку,
как взрывом, отнесло за близлежащий лес.
Ты думаешь, легко бездомному осколку
рассеянно скользить среди чужих небес?

А надо мной — сугроб. И тучи — как из стали.
И чудо из чудес: коты загнали пса.
А, впрочем, напиши. Я думаю, доставят
по адресу: Восток, чужие небеса.

* * *

Это яблоко. Яблокопад.
Это якобы сумерки.
Якобы
это Ева идет через сад
подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
тишины, выходящей из тени.
Контрабас,
контраболь,
контрапункт
приглушенного грехопадения.

Это вечера стертый пятак
нагоняет ненужные страхи.
Это яблоки падают так,
будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
ни плода, ни случайной удачи.
Никого не дано искусить
в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
обрекая изгнанию и стуже,
не затем, что я праведно чист,
а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей нагоде,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.

Подберите меня, господа, —
нас немного осталось.

* * *

Затхлый запах бездонности —
сквозняком — по душе.
Ощущенье бездонности
не покинет уже.

Но как ветер за ставнями
или пес в конуре,
как случайно оставленный
патефон во дворе,

я играю и вроде бы
я пою и верчусь —
певчий пасынок родины.
За нее, как юродивый,
я еще расплачусь.

Москва

